

Bentley

Автор:

Сергей Гончаров

Bentley

Сергей Гончаров

Что может дать Москва провинциальному пареньку?Многое. Очень многое.Что она берёт взамен?Многое. Очень многое. Всё.Что ждёт того, кто приехал покорить столицу? Олимп или обратный билет?У каждого своё предназначение. У каждого свой путь.

Сергей Гончаров

Bentley

* * *

«А чего хочешь от жизни ты?»

На плакате блондинка с волнистыми волосами манила изящным пальчиком в очередной магазин на очередную распродажу. В следующий миг поезд остановился. Двери открылись. Я выскочил на платформу станции Петровско-Разумовская с единственным желанием – попить. Пока мощный мотор тащил стальную лестницу к поверхности, разглядывал рекламу на стенах. Гаджеты, новый мюзикл, одежда – эти вещи мало интересовали. Перекинул коробок с посылкой из правой руки в левую. Взгляд зацепился за афишу легендарной американской рок-группы. Затем увидел на соседнем эскалаторе ковырявшего в носу парня. Смотрелся он забавно. Вообще люблю наблюдать за людьми: это интереснее зоопарка – это мегаполис. Да и заняться в метро нечем. Работаю

курьером, и в день обычно три-четыре доставки. Читать скучно, в телефон играть надоедает. Иногда музыку слушаю, но менял ее два месяца назад – надоела уже основательно.

Спрыгнул с эскалатора и направился влево, к стеклянным дверям с зеленой табличкой «Выход». На улице середина мая, жара – как считают жители Москвы. Для меня, коренного шахтинца, такая погода самое то – не холодно и не жарко.

Остановку шестьсот семьдесят седьмого автобуса нашел быстро. Минуты три наблюдал за расположившимися в остановочном комплексе пропойцами. Они рассуждали, где взять денег. Трое мужчины и две женщины. Грязная одежда, неверные движения, опухшие лица, синяки на руках и ногах. Рядом с ними пустая бутылка из-под слабоалкогольного коктейля.

После выходных, проведенных, как всегда, в пьяном угаре, хотелось пить. Три секунды колебаний и решил, что понедельник и так тяжелый день, потому незачем его усложнять и мучиться с перепою. Направился за бутылкой пива. Купил две. Первую выпил рядом с магазином. Залпом. Вторую решил употребить в дороге. Подошел автобус. К дверям, словно лоси через кусты, ломанулись бабули. Советская привычка, когда в автобус набивались как селедки и для того, чтобы сесть, надо было умело работать локтями. Сам я родился в конце девяностых, но мама рассказывала, что так и жили.

Внутри прохладно, работал кондиционер. Устроившись у окна, коробку с посылкой поставил на колени. Задержал взгляд на алкоголиках. Руки сами собой открыли бутылку пива. Пропойцы курили и о чем-то спорили. Одна из женщин, которую с натяжкой можно назвать женщиной, трясла пальцем перед лицом собутыльника и кричала какую-то невнятицу. Опухшее лицо с бусинками блеклых, безжизненных глаз, будоражила злость, будто собутыльник – алкогольный магнат и великий жлоб. Свалявшиеся длинные волосы, когда-то были русыми. По фигуре в грязных джинсах и теплой красной кофте видно – женщина была красива. Вероятно, приехала в Москву за новой, лучшей жизнью. О чем-то мечтала, а может и цель имела.

Я в Москву приехал учиться. Поступил в Гнесинку на вокальный факультет. Идея принадлежала маме. Сама она с детства мечтала стать эстрадной певицей, но жизнь решила по-другому. Хотя, как мне кажется, мама попросту испугалась тернистой дороги к мечте. Зато это не помешало ей с самого детства таскать меня по различным кружкам, где я пел и снова пел, а потом еще пел. В итоге

петь научился довольно сносно, грамотами дома часть стены завешена. Даже в московский ВУЗ приняли.

А вообще в Москву я поехал ради карьеры. Дома у меня была рок-группа. В отцовском гараже мы репетировали, но никто из участников всерьез к этому не относился. Кроме меня. Не единожды я слышал, о чем говорили гитарист с басистом и барабанщиком. В их фантазируемом будущем музыка если и присутствовала, то лишь как звук из колонок дорогого авто. Пытался найти единомышленников. Иногда казалось, будто находил, но на поверку все оказывались увлекающимися. Довольно скоро понял: если и возможен какой-то прогресс в этой области, то в Москве.

Вторая из женщин-алкоголичек с красными глазами и в разных туфлях, вскочила с лавочки. Попыталась ударить одного из собутыльников, но не удержалась и грохнулась на асфальт. Друзья лишь хмуро и вяло на нее посмотрели. Никто не сделал даже попытки поднять упавшего человека.

Первую сессию я не сдал. Жизнь в общежитии, бесконечные пьянки и прогулы не прошли безнаказанно. В феврале меня отчислили, а через пару дней и из общежития выгнали. После этого и началось нескончаемое вранье родителям о том, что учусь на «четыре» и «пять». Попутно приходилось рассказывать придуманные истории из студенческой жизни. И все ради того, чтобы перечисляли на карточку деньги. Можно плюнуть и вернуться обратно: работа собачья, денег вечно не хватает, рок-группу так и не сколотил. Но тогда надо мной будут насмехаться: друзья, дальние родственники, друзья друзей. Прослышу на районе «москалём» или «покорителем столицы». Да и от родителей попадет. Папа у меня суровый, может и по лицу съездить.

Автобус, наконец, тронулся. Алкоголики остались где-то позади.

– Следующая остановка, – раздался из динамика над головой хорошо поставленный мужской голос. – Кинотеатр «Комсомолец».

У меня заказ на Дубнинской улице. И Яндекс показал, что ехать до одноименной остановки. Из головы не выходили алкоголики. Я в сотый раз клятвенно пообещал себе, что этим летом вновь поступлю в университет. Через четыре года, конечно, узнается о моем обмане, но проблемы надо решать по мере поступления.

Автобус выехал на Дмитровское шоссе. Я попивал пиво и наблюдал за людьми в салоне. Все такие сосредоточенные: одни с наушниками, другие с электронными книгами. Третьи просто в телефоны уставились, будто там будущее показывали.

– Кинотеатр «Комсомолец», – раздалось из динамиков над головой. – Следующая остановка «Нижние Лихоборы».

На желтой разметке стояли BMW золотого цвета и матово-черный Jaguar. Водители, парни лет тридцати, болтали неподалеку. Один смеялся, а второй, размахивал руками и о чем-то рассказывал. На подъехавший автобус обратили ровно столько внимания, сколько человек обращает на пролетевшую мимо муху. Я с откровенной завистью смотрел на этих ребят. Головой-то понимал, что они, как минимум, нагло нарушили правила дорожного движения. Из-за машин автобус смог лишь приткнуться на остановку. Восхищенно смотрел то на автомобили, то на водителей. Золотистая BMW выглядела потрясающе, как огромный слиток «презренного» металла, переливалась на солнце, приковывала взгляды прохожих.

Почти год, как жил в Москве и видел подобных людей. Они разъезжали на дорогих машинах, жили в элитных домах. И ничего не делали. Получали от жизни все, ничего не отдавая взамен. Сами собой в голову лезли мысли: отчего им можно, а мне нельзя?

Автобус тронулся. Я проводил взглядом золотистое «BMW», «Jaguar» и их водителей. Мужской голос объявлял остановки, автобус ехал, люди заходили и выходили, но эти действия проплывали мимо моих глаз. Мысленно я сидел за рулем синего Bentley Continental. Машина мчалась по МКАД, и я знал, что могу ехать так хоть целую вечность, ведь мне не надо беспокоиться о том, чем питаться, где жить и что надеть.

– Остановка «Дубнинская улица», – прозвучало над головой.

Тело среагировало быстрее, чем мозг. Окончательно из тумана грез я выбрался лишь через минуту после того, как автобус отъехал. На улице душно. Перегретый и тяжелый от выхлопных газов московский воздух с трудом протискивался в легкие. Лениво, словно одуревшие на палящем солнце черепахи, ползли машины. Где-то вдали, с надрывом и хрипотцой, лаяла собака.

Я оглянулся по сторонам, сверился с картой на телефоне. Допил пиво и выкинул бутылку в урну. Переходя дорогу, подумал, что одновременно и люблю свою работу и до чертиков ненавижу. Ненавижу из-за мизерной зарплаты, ненормированного рабочего дня, а еще из-за того, что это в принципе работа. А люблю из-за людей, которых встречаю. Курьер в секс-шопе специфическая должность. И люди, попадающиеся мне, подразделяются на три типа. Первые – те, кто с каменным выражением лица принимают из моих рук коробку. Делают это с настолько безучастным и безэмоциональным выражением на лице, будто я им каждый день на протяжении семи лет в такой коробке доставляю кирпич. Вторые – наоборот слишком эмоциональные люди: начинают краснеть, смущаться, допускают ошибки в бланке, где надо лишь поставить автограф и фамилию с инициалами. Каждый второй интересуется, а не смотрел ли я, что в коробке. Этот момент самый ответственный и самый веселый в моей работе. Надо с серьезным выражением на лице сообщить, что у нас полнейшая конфиденциальность и формированием заказов занимается человек, который не знает, куда коробок в дальнейшем отправится, а мое дело и вовсе маленькое – доставить и отдать. Главное, когда говоришь, сделать безучастное лицо, несмотря на то, что час назад укладывал в эту коробку, например, анальный стимулятор и расширитель для рта. Третий тип клиентов – красивые девушки из-за специфики работы, потерявшие всякий стыд. Таким хоть двухметровый фаллоиммитатор на Красной Площади вручай. Может и лизнет еще, для шутки.

Когда вошел во двор нужного дома, оттуда выехал белый Mercedes-Bens SLK-класса третьего поколения. Крыша машины убрана в багажник. За рулем сидела блондинка в солнцезащитных очках. очередной раз удивился этому городу и этой стране, где ничего не умеющая молодая девушка может ездить на дорогой машине, а учитель, от которого зависит будущее поколение, существует от зарплаты до зарплаты. Однако вслед блондинке посмотрел с завистью. То, что Москва город больших возможностей понял давно. Да вот что-то мне возможность стать рок-звездой не подворачивалась. А глядя на людей, получавших от этой жизни все, начал сомневаться, что лучше: быть рок-звездой или ничего не делать и жить на широкую ногу?

* * *

Без пятнадцати три я вернулся в «офис». Этим громким словом назывался небольшой ларек возле станции метро «Тимирязевская». Работали в этой организации всего четыре человека. Директор, две продавщицы, некрасивые близняшки, а самую низшую ступень этой иерархии занимал я.

– Ты где так долго шатался?! – первое, что услышал от директора. – Сева, последний раз предупреждаю, что курьер должен работать оперативно. Одна нога там, вторая здесь. Что непонятно?

Несколько раз намекал, что пренебрежительное «Сева», мягко выражаясь, не радует. Если меня родители называли Всеволодом, то какой я тебе «Сева»? Но этому человеку все равно, что думают и говорят другие, каково их мнение. Кроме самого себя он ничем не интересовался.

Почему в Москве столько лиц нетрадиционной ориентации, наверно, не пойму никогда. И директор у меня такое лицо. Худой, высокий мужчина тридцати с хвостиком лет, в тоненьких очках с короткой стрижкой. От него всегда пахло женскими духами и ментоловыми сигаретами, лицо всегда идеально выбрито, брови подстрижены, а маникюр у бы позавидовала любая женщина. Носил обтягивающие вещи и усиленно старался быть похожим на настоящего, по его мнению, москвича. Разговаривал томным голосом, ненавидел приезжих и никогда, ни при каких обстоятельствах, не ездил на метро. Однажды, в порыве откровения, признался, что родом откуда-то из Сибири. Мама, еще во времена СССР, проходила практику в Москве и «сдружилась» с боксером. Вернувшись в Сибирь, родила ребенка, который впоследствии приехал в Москву и начал думать, что он москвич.

Александр Алешин, директор, сидел в тесной камерке, которую гордо именовал кабинетом. При каждом удобном случае добавлял, что будет в кабинете или предлагал зайти в кабинет. Кроме этого «кабинета» были торговый зал и санузел-раздевалка, где вдвоем уже тесно.

Я устало опустился на стул. Пахло ароматическими палочками. Близняшки увлекались этим изобретением то ли китайцев, то ли индусов. Никогда не понимал, как может нравиться их запах? Зачастую они так заванивали магазин, что даже на улице чувствовался аромат. Этим я и пользовался. Выйдя из метро, купил банку слабоалкогольного коктейля и быстро выпил. Живот пучило, наружу рвалась отрыжка, да и пахло изо рта наверняка неприятно. Однако запах палочек перебил бы даже вонь протухшего мяса, а не только перегара.

Кроме кресла директора и письменного стола, стул для гостей – единственный предмет мебели, вписавшийся в «кабинет».

- Все понятно, - я достал телефон и демонстративно посмотрел на время.

- Так и почему ты этого не делаешь?!

- За тридцать минут съездить не быстро?!

Александр побагровел.

- Я у тебя... - замялся он. Несколько раз тяжело вдохнул-выдохнул. - Сева, ты мне тут вопросом на вопрос не отвечай. Не забывай, мы не в Израиле, а в Москве. Здесь так не разговаривают. И если я говорю, что ты должен ездить быстро, то ты обязан ездить быстро. Чтобы я моргнуть не успевал, как ты съездил. Тогда еще подумаю, поднять ли тебе зарплату, а пока об этом и речи быть не может.

Я уже сто раз пожалел о том, что месяц назад попросил увеличить заработную плату.

- Сейчас, например, клиент ждет заказ, а ты где-то шляешься! Учти, премии тебе уже не видать, а при таком отношении скоро начну и штрафовать. Марина, - крикнул близняшку. - Выдай этому... оболтусу заказ на Тверскую.

За спиной он называл меня дибиллом, близняшек сволочами. Хорошо о людях он не отзывался.

Я поднялся и, шаркая ногами, поплелся в торговый зал за очередной секс-игрушкой для очередного любителя BDSM. Марина выдала коробку и толстую плетку, которой бы я и слона не решился ударить, чтоб хребет ненароком не перешибить.

- Он тебя будет ждать в Макдональдсе на Тверской в четыре, - у нее, как и у сестры, полное тело и сексуальный голос. - Знаешь, где это?

- Знаю, - ответил я, хотя сам и не знал.

- Тогда живо туда! - величественно, словно древнеегипетская царица, махнула она рукой.

* * *

Первое, на что обратил внимание, когда вышел из перехода на пересечении Тверской улицы и Большой Бронной – припаркованная Audi. Двухместный спортивный кабриолет с откинутым верхом. На месте водителя сидел спортивного телосложения парень. На вид не больше двадцати пяти. Улыбался и о чем-то рассказывал голубоглазой брюнетке на соседнем сидении.

Невольно остановился неподалеку. В душе заскребли кошки. Чем я хуже этого человека? Почему не могу сидеть за рулем этого «Audi» и болтать с этой симпатичной особой? Почему там он?

Глубоко и тяжело вздохнул. Проходившая мимо женщина в жёлтом платье приостановилась и жалобно на меня посмотрела. Парень за рулем усмехнулся, привычным движением щелкнул ключ зажигания и сразу тронулся. Волосы подруги разлетелись веером.

А я проводил их глазами и потопал в «Макдональдс», где меня должен ожидать заказчик плетки. Под ногами мелькал асфальт, мимо проходили люди. Совсем рядом, живой металлической рекой проплывали автомобили. Но все это оставалось за пределами моего сознания. Перед глазами был синий Bentley Continental. Я видел, как еду по Москве, как подростки смотрят вслед, как подъезжаю к понравившейся девушке и предлагаю подвезти. Она соглашается, и я беру ее телефон, договариваемся встретиться вечером. Довольный еду домой, заезжаю на Тимирязевскую в секс-шоп, якобы что-нибудь купить, а на деле похвастаться, как у меня дела. Близняшки смотрят с неподдельным интересом, Александр приглашает к себе в кабинет, поит чаем, живо интересуется, как я смог такого достичь. А в глазах зависть.

Тяжело вздохнул и заставил себя выплыть из грез. Глаза скользнули по плакату московской рок-группы. На какой-то из пьянок слушал несколько песен из их репертуара – не произвели впечатления.

Запахи Макдональдса щедро наполняли улицу, перебивали даже вонь перегретых солнцем выхлопных газов. Вдали завывала сирена, да так противно, будто у нее обнаружили рак последней стадии. В дверях столкнулся с жирной до безобразия девушкой. С детства считал, что толстые люди любят много поесть, но в последнее время взгляды поменялись. Видел толстых людей, которые ели

меньше меня. Видел и тех, кто за раз съедал больше чем многие за два дня и при этом оставались худыми как тростинки. Но чаще всего, как мне начало казаться, люди становились полными из-за ритма мегаполиса, когда на качественную еду не остается ни времени, ни сил. Да что там... Я и сам пристрастился к еде на скорую руку, и приготовить что-либо дома для меня стало невероятным событием, особенно если учесть «условия». Кое-как обогнув толстую девушку, вошел в заведение быстрого питания. Внутри, как всегда, шум и гам, выкрики «Свободная касса», снующие туда-сюда люди с красными подносами и красивыми коробочками на них. Достал телефон, чтоб набрать номер заказчика, когда увидел, как из-за столика помахал лысый мужчина среднего возраста с густыми смолянистыми бровями. Уверенно направился к нему.

– Здравствуйте, – он приподнялся, протянул руку. – Вы курьер? – одет в черные джинсы и майку безрукавку, из подмышек торчали копны черных волос.

Кивнул, вяло пожал протянутую ладонь и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся за противоположный конец стола. Коробок с заказом бухнул прямо на стол, рядом с подносом, где сиротливо стоял кофе.

– Не каждый день сюда заходят умаявшиеся люди с коробком в руках, останавливаются перед дверьми и лезут за телефоном, – прокомментировал он мои действия. – Сразу понял, что это вы и есть.

Внимательно посмотрел на этого лысого мужчину. Простое и добродушное лицо, вкуче с полными наивности щенячьими глазами, располагало к себе. Понравилось, что головой он мыслит, а не использует в качестве приемного пункта для продукции Макдональдса.

– Ваша посылка, – пододвинул к нему коробок. – Вот квитанция об оплате, и путевой лист, где надо расписаться. Этой росписью вы также подтверждаете, что посылка доставлена, надлежащего качества и... – надо сказать что-то еще, но под конец рабочего дня мозги перестали соображать.

– А как же проверить содержимое?! – щенячьи глаза заказчика округлились.

– Пожалуйста, – я устало откинулся на спинку стула.

На моей памяти клиенты редко проверяли содержимое. Честно говоря, незачем это делать – когда у тебя миллион конкурентов репутация дороже денег.

Мужчина пододвинул к себе коробок. Ногтем на мизинце левой руки распилит клейкую ленту, заглянул внутрь.

– Хорошо! – расплылось лицо в ненатуральной улыбке. – Мне нравится!

– Подпишите, – уставшим, а оттого безразличным тоном, сказал я.

– Молодой человек, – на его лице появилась озабоченность. – Вы выглядите таким замученным. Понедельник явно тяжело вам дался. Может, перекусить и немного отдохнуть вам бы не помешало? Давайте, подпишу, а вам советую пойти и купить себе что-нибудь.

Меня тронула за душу забота этого дядьки. За год жизни в Москве привык, что здесь всем на всех пофигу. Если мягко выразиться. Ты можешь упасть, удариться лицом об асфальт, а все будут идти мимо, словно это в порядке вещей. А кто-нибудь еще и запишет на телефонную камеру твои мучения, чтобы собрать лайки на Youtube. Собственно, в родных Шахтах, в погоне за столицей, люди тоже начали вести себя подобным образом. Но если там это еще рассматривается как дикость, то в первопрестольнопереполненной норма.

– Хорошо, – сказал я и направился к кассе, где стояла худая женщина восточной внешности.

– Здравствуйте, – мило улыбнулась она. – Что будете заказывать?

Назвал свой стандартно-дешевый набор. Девушка взяла с меня деньги и отправилась выполнять заказ. В этот момент подумал, что сделал огромную дурость, оставив мужчине посылку и путевой лист. Он может попросту уйти, а потом позвонить и начать возмущаться, где его заказ. Представлять, что сделает Александр, не хотелось. Нервно сглотнул, предчувствуя огромные, как Годзилла, проблемы.

Девушка собрала мою нехитрую снедь, поставила на поднос.

– Пожалуйста, ваш заказ, – выдернула из печальных мыслей. – Приятного аппетита.

Я взял поднос и медленно, обреченно, поплелся к столику. К моему глубокому изумлению, мужчина сидел на прежнем месте, пил кофе и смотрел в телефон. Рядом стояла коробка с заказом, а на том месте, куда должен присесть я, лежал путевой лист.

– Быстро вас обслужили, – улыбнулся он. – Я, когда пришел, тут очередь до финской границы была. Полчаса стоял за кофе.

Я не ответил. Вгрызся в гамбургер, как изголодавшийся лев в кусок мяса. Через минуту в руках ничего не осталось. Схватил следующий и он испарился с той же скоростью.

– Ну у вас и аппетит, молодой человек, – следил за мной мужчина. – Наверно с такой адской работенкой можно и быка съесть.

– Можно, – признался с набитым ртом. После вспомнил о путевом листе. Сложил вчетверо и убрал в нагрудный карман майки, ручку отправил следом. Мысленно обругал себя за напрасные волнения. Москва, к сожалению, приучила меня думать о людях плохо. И чем хуже, тем лучше.

– А не думали о том, чтобы сменить работу?

Толстая женщина проволокла за руку пухлого ребенка.

– Мы за крайним! – полуобернувшись, крикнула поистине огромному мужику в очереди к кассе. И все посетители невольно пронаблюдали, куда она присела и кому кричала.

– Работу-то сменить думал, – честно признался я. – Да только на какую?

Такой ответ, как показалось, поставил мужчину в тупик. Он опустил глаза и несколько минут таращился в поднос.

– В интернете, по-моему, достаточно вакансии. В конце концов, если вы чего-то стоите, то могу и к себе взять.

«Чего-то стоите» крепко зацепило меня. Знал бы чего стою!

– Вы работаете в отделе кадров? – не получилось у меня скрыть негодование. – В какой фирме?

– Вообще-то я директор, – неуверенно признался он. – А название вам ровным счетом ничего не скажет.

– Хорошо, – я чувствовал себя следователем. – Раз вы думаете, что не скажет... пусть будет по-вашему. Тогда чем занимается ваша фирма?

– Медицинскими исследованиями, – допил кофе мужчина.

– Свободная касса! – раздался усталый голос.

– И как я могу пригодиться вам в вашей работе? – ухмыльнулся, предчувствуя ответ вроде «пока не знаю, но подумаю, оставьте телефон, и я с вами свяжусь».

– Да вообще-то очень и очень можете... пригодиться, – собеседник сделал акцент на последнем слове.

Мимо прошел огромный мужчина, которому кричала женщина с ребенком. Он нес в руках два подноса. На каждом столько еды, что хватило бы на полноценный обед всему детскому дому.

– И что вы хотите предложить? – хозяин плетки интриговал все больше и больше. Одновременно каждое его слово увеличивало мой скепсис. А вообще я не понимал, зачем сижу. Чего в Москве всегда хватало, так это жуликов всех мастей и сумасшедших любого калибра.

– У вас восхитительная форма черепа, – начал мужчина. – Можно сказать идеальная. И именно человек с подобной формой черепа мне и нужен.

– Подозрительно звучит, – я всерьез начал опасаться за свое здоровье, но любопытство не давало просто встать и уйти.

– Согласен. Подозрительно. Однако от этого не теряет актуальности. Сейчас не могу сказать, чем занимается фирма. Могу лишь сообщить, что требуются модели. Своеобразного характера, конечно, модели. А найти таких людей крайне тяжело сами понимаете. Не дашь ведь объявление, что нужны люди для работы моделями, ничего не важно, важна лишь форма черепа, которая в основном бывает у тех, кто владеет второй группой крови с положительным резус фактором. У вас, кстати, вторая положительная?

– Моделями говорите? – скепсис я уже не пытался скрыть.

– Понимаю, что сейчас мои вопросы и все мое предложение может выглядеть странно. Дайте, пожалуйста, ручку.

Я протянул ему требуемое. Он взял салфетку и написал несколько слов и пару цифр.

– Если передумаете, подойдите завтра утром по этому адресу. Скажете, что к Петру Николаевичу и вас пропустят.

Не задерживаясь более ни на секунду, поднялся и быстрым шагом вышел из Макдональдса. Я остался сидеть перед двумя опустошенными подносами. Первая порывистая мысль – скомкать салфетку и обо всем забыть. Усилием воли заставил себя не делать этого. Сложил в несколько раз и вместе с ручкой запихнул в нагрудный карман майки.

* * *

На Выхино, как всегда, пристала цыганка. Я уже их всех в лицо знал. Подошла девушка лет двадцати с грудным ребенком на руках. На этой неделе она ко мне подходила в четвертый раз. Я никогда и никому не подавал. В первый день, по приезду в Москву увидел, как в переходе между «Тверской» и «Чеховской», стояла девица славянской внешности. В руках была табличка с надписью «Помогите на билет домой». Через несколько часов вновь проходил по этому переходу. На том же месте, с этой же табличкой стояла другая.

– Подайте ради Христа, – противным голосом заблеяла цыганка.

В последнее время у меня возникла сумасшедшая мысль: надо каким-то образом запатентовать это имя, чтобы нашу святыню не использовали против нас. Но как это сделать, так и не придумал.

Проскочив через подземный переход, оказался рядом с кассами пригодного направления. Столкнулся с парнем, за его спиной висела гитара. Попытался определить – электро или акустика. Потом понял – бас.

В микроавтобус запрыгнул, когда водитель уже нажал педаль газа и клацнул тумблер закрытия дверей. Он скопил на меня недовольный глаз и с такой ненавистью дернул ручку коробки передач с первой на вторую, будто та ему много денег задолжала. Я отдал сумму за проезд и примостился на единственное свободное сидение рядом с заметно выпившим уголовного вида мужиком. В маршрутке сильно воняло чесноком. Даже убойная вонь алкоголя от моего соседа была не в силах перебить этот природный «аромат». Водитель, человек южных кровей, гнал дребезжащую и кашляющую двигателем машину так, словно на выходных подрабатывал пилотом формулы один. На поворотах я старался не грохнуться в проход между сидениями либо не навалиться на соседа. До своей остановки добрался в два раза быстрее. Заскочил за пачкой пельменей, соусом и пятью бутылками хорошего пива. Одну выпил по пути домой.

Возле подъезда остановился. Не смог пройти со спокойным сердцем мимо синего Bentley Continental. Набрался смелости и подошел вплотную. Заглянул внутрь сквозь тонированные стекла. Видно плохо, но достаточно, чтобы разглядеть салон из белой кожи и приборную панель из лакированного дерева с множеством кнопок. Хозяин этого авто бывал здесь частенько, но не жил. Предположительно к девушке приезжал.

Незаметно для самого себя представил, как сижу за рулем этой машины, навстречу мчится дорога, фары высвечивают разметку, из приоткрытого окна бешено трепет волосы ветер, а динамики разрывает Lumen. Кто-то похлопал по плечу.

– Нравится? – я обернулся к парню, владельцу машины. Первое, на что наткнулся – глаза. Они показались более чем странные. Словно глаза умудренного жизнью

старика, а не двадцатипятилетнего молодого человека.

- Хорошая, - ответил сдавленно.

Позади хозяина Bentley стояла блондинка на огромной шпильке и в коротком черном платье. От нее сильно пахло духами.

- Рад, что тебе нравится. А теперь можешь пропустить мою девушку?

Я смущенно извинился и отошел в сторону. Забежать в подъезд не смог. Пялился на машину пока она не выехали со двора. Почему этот парень мог ездить на таком автомобиле, а я нет? Почему??? Чем он особенный? Почему он может тратить баснословные деньги, а я не могу? Что есть у него, и нет у меня?

В подъезде тускло горела лампочка. Воняло шерстью. Женщина со второго этажа прикармливала бродячих собак и частенько водила их домой помыть и покормить. Некоторые так и оставались под ее дверьми. Жильцы давно отучились ходить пешком, чтоб не быть покусанными, а соседи по этажу оббегаали все инстанции и учреждения, но толку мало. Частенько чтобы попасть домой им приходилось вызывать специалистов по отлову бродячих собак.

Со злостью стукнул по кнопке лифта, будто она виновата в том, что у меня нет синего Bentley. Через минуту дребезжащая кабина раскрыла передо мной скрипящие, как несмазанные качели, двери. Внутри сумрак, в углу, как всегда, ежедневно загадочно появляющаяся лужа мочи. Пришлось задержать дыхание.

Дома ждал бардак. А вообще, домом это место я называл с большой натяжкой. В каждой комнате нас жило по пятеро. Три комнаты - пятнадцать человек. Кровати стояли впритирку и единственное место, куда можно сложить вещи - на пол под них. Именно там хранилась сумка с одеждой и зубная щетка, кастрюлька и кружка, а рядом, в куче - грязные вещи. Жили там одни пацаны. Самый старший: вечный студент - парень двадцати семи лет, худой с клиновидной бородкой, неизвестно чем зарабатывающий на жизнь. Он успел бросить три университета и учился в четвертом. Остальные, помладше, были либо тоже студентами, либо приехали покорять столицу. Столько лиц мужского пола в одной квартире не могло остаться незамеченным для этой квартиры. В ней лежала грязь, причем в прямом смысле слова. Кто-то, задолго до меня, ввел привычку не разуваться. К тому же там никто и никогда, по крайней мере, при

мне, не убирал. Обои и мебель оставляли желать лучшего. Если кто-нибудь ворочался на кровати, то слышали все пятнадцать человек. По кухне организованными дивизиями маршировали тараканы. В забитом замороженным льдом холодильнике, если глубоко копнуть, можно наткнуться на продукты полувековой давности. В кухонном столе, рядом с начатым рулоном туалетной бумаги, стояли тридцать пустых бутылок из-под водки. Откуда – неизвестно, но выносить их никто не собирался. Электрическая плита настолько грязна, что чадила и дымила, когда ее включали. Туалет сильно смахивал на общественный, особенно отсутствием стульчака, а также бачка, вместо него шланг и краник. В ванной дела обстояли лучше. На первый взгляд. Из раковины воняло так, будто там мышь сдохла, что и вправду не исключено; скользкая металлическая ванная ходила ходуном на четырех кирпичных подставках и, как следствие, безбожно протекала; в стиральной машине, в заплесневевшей воде, неизвестно сколько лет, лежали три майки, трусы и носки. Когда-то, как дошли до меня сведения, у нее переключило в «мозгах», она заблокировалась и принялась без остановки наяривать в деликатной стирке. Отключив от розетки, собственными усилиями разблокировать ее не получилось. Вызов мастера оплачивать никто не собирался, в том числе и хозяйка. И теперь, при включении в розетку, машинка гоняла в режиме деликатной стирки подгнившую одежду в плесневелой воде.

Ко всем этим условиям добавлялось еще одно и самое значительное – в места общего пользования вечером не пробиться. Иногда приходилось занимать очередь. По договору хозяйка могла наведываться не чаще одного раза в месяц. На деле заявлялась раз-два в неделю. Когда кто-то съезжал или заезжал. За четыре месяца проживания я превратился в древнего старожилу. Единственное, что хорошего в этой квартире – цена. Дешевле только под мостом спать.

Многие из жильцов уже были дома. Нескольких знал по именам, а большинство даже не старался и запоминать. Зачем, если завтра их может не быть? Многие соблазнялись на цену и заселялись, но не выдерживали в таких условиях и месяца. Съезжали. Что для хозяйки как раз выгодно. В договоре черным по белому прописано, что если человек съезжал, не предупредив за месяц, залог не возвращался. В полицию никто, насколько знаю, не жаловался. Все молодые, амбициозные и дурные.

Более-менее долго проживал в этой квартире Женя. Он стоически продержался три месяца. Хотя, как я догадывался, в ситуацию попал потяжелее моей. Придя из армии, сдал на права и отправился в Москву за лучшей жизнью. Его, из-за идеальной славянской внешности и обходительных манер, взяли в vip-такси, где

он благополучно, на второй день работы, разбил машину представительского класса до состояния «груда металлолома». Страховка в этой организации ошибки водителей не покрывала и его, через суд, обязали выплачивать кругленькую сумму. При этом посадили на другую машину, которую через неделю он вновь разбил. После этого Женя завязал с работой в такси. Но ежемесячный платеж за две дорогие иномарки никто не отменял. Теперь он горбатился на трех работах и жил впроголодь. Самое обидное то, что даже вернуться на малую родину не мог. В провинции таких денег даже на семи работах не заработаешь. Изредка, как сегодня, бывал дома и что-нибудь себе готовил. В основном голый суп, где плавало немного макарон, одна картофелина и луковица.

- Привет! - улыбнулся он, когда я вошел на кухню. - Чего такой замученный?

Женя, несмотря на все злоключения, никогда не унывал и не терял улыбку. Честно признаться, я завидовал этому зеленоглазому блондину. Его бы запас оптимизма да в нужное русло... тогда даже горы подвинутся, пропуская шагающего человека.

На кухне крутился тонкий, как спичка, парень с вытянутым, словно у лошади, лицом. Из приезже-отъезжих, как я называл всех жильцов этой квартиры за исключением себя и Жени. У него на большой сковороде жарились овощи. Завораживающе пахли на всю квартиру и заставляли желудок призывно урчать.

Бросил пельмени на стол. Поставил кастрюльку с водой на третью конфорку и присел на табуретку, подождать пока закипит и поболтать с единственным близким по духу человеком во всей Москве. Именно в этом городе ощутил, насколько одинок. Тысячи людей, как далекие звезды - вроде и есть, но света и тепла от них не получить.

- Замучили, вот и замученный, - ответил на вопрос соседа.

По столу, рядом с рукой, пробежал таракан.

- У тебя-то как дела? - подал я бутылку пива и он, как всегда, отказался.

- Все замечательно! - улыбнулся Женя. - Зарплату дали, сегодня живем! - указал на банку дешевой-дешевой тушенки. - Супчик сегодня с мясом. Хочешь,

угощу!

– Спасибо, но ты же знаешь мое отношение к супам.

Если честно, то жидкого похлебал бы с большим удовольствием. Но безвозмездно поест у этого человека совесть не позволяла. Придется делиться с ним пельменями. А менять баланду из одной картошки, луковицы и соевой тушенки на пельмени я не собирался.

Из глубины квартиры донеслось недовольное ворчание. Видимо кто-то собрался лечь спать и увидел, что его под одеялом, как верная жена, ждет таракан.

– А зря, – укорил меня Женя. – Супы полезны для желудка. Что сегодня много набегал? – резко переменял тему.

– Да так, – отмахнулся я. – Средне. Тому клоуну кляп, да другому плеть. Ничего особенного и интерес... Постой. Кстати, с последним любопытно. Встретился с ним Макдаке и он предложил работу.

– В Макдаке?

– Нет, – несколько мгновений помолчал, подбирая слово, но так ничего и не придумал. В итоге ответил:

– Моделью.

– Кем? – скептически осмотрел меня сосед.

На парней с обложек журнала я не походил ни с какой стороны, потому не удивился его взгляду.

– Своеобразной такой моделью, – встал и посмотрел на воду в кастрюльке, хотя закипеть та не могла по определению, просто запах от овощей настолько разжег аппетит, что замороженные пельмени на столе начали казаться божественной пищей. – Какая-то медицинская фирма у него и требуются модели с правильной формой черепа. Сказал, что у меня идеальная.

– Да-а-а! – многозначительно протянул Женя. – Москва. Москва. Страна возможностей. Надо же такую работу не просто придумать, а еще и найти. Модель с идеальной формой черепа! Что мерить-то будешь? И вообще, пойдешь?

– Вряд ли, – неуверенно ответил я, а взгляд опустил на пол, будто там было нечто интереснее грязи.

– Почему? – искренне удивился сосед. Тонкости моей работы он знал хорошо. – Платят мало?

Парень с лошадиным лицом обернулся на меня. Поблывал блеклыми глазами и снова принялся мешать треклятые овощи. Я уже не мог дожидаться, когда он их пожарит и уйдет.

– Про зарплату вообще разговора не было.

– По-моему меньше, чем сейчас, тебе нигде платить не будут, – усмехнулся Женя. – Так что и терять нечего, стоит идти.

– Не нравится мне там что-то. Предчувствие плохое, – признался я. – Что может мерить модель с идеальной формой черепа?

– Очки, – Женя открыл ножом тушенку и высыпал бело-коричневое содержимое в воду. – Может быть еще какие-нибудь устройства. Например, скобы, штифты какие-нибудь для тех, у кого челюсть сломана. Да что угодно можно мерить!

По кухне разлился запах вареного мяса. Слишком сильный, чтобы быть настоящим.

– Зубные протезы еще можно мерить, – вклинился в разговор парень с лошадиным лицом. – А еще глазные протезы.

– Для этого надо быть беззубым и не иметь глаз. Или глаза, – посмотрел на него Женя.

– Надо, – парень выключил конфорку и, взяв сковороду, ушел из кухни. Многие в этой квартире обходились без тарелок.

Мы проводили его глазами. После я встал и посмотрел на воду. Не закипела.

- Точно супом не поделиться? - жалостливо посмотрел на меня сосед. - А то мне тут одному много? - указал на маленькую и тощую кастрюльку, из которой и кот в досталь не наестся.

- Однозначно, - присел я обратно на табуретку.

- А в эту контору ты все ж сходи, - Женя выключил конфорку. - Вряд ли там страшно. Раз их интересует форма черепа, а не отсутствие зубов и глаз, значит, там примеряют что-то другое. В конце концов, ты всегда можешь отказаться. Я бы, на твоём месте, сходил.

- Посмотрим.

На кухню стали заползать тени. Вначале они спрятались по углам, потом принялись осторожно выбираться в центр. За год проживания в Москве так и не привык к наступлению темноты в центральной полосе России. Долго здесь держится пограничное состояние, называемое сумерками. У меня, в родных Шахтах, если день, то солнечно и жарко. Если ночь, то темно и жарко. А пограничное состояние длится минут пятнадцать-двадцать.

Я включил лампочку, висевшую на проводах. Кухню залил тусклый желтый свет, нагнавший теней в перенаселенную квартиру. Суп на плите кипел - остывала электрическая печь долго.

- Как там, кстати, дела у твоей группы? - поинтересовался Женя.

При знакомстве, в порыве пьяного угара, наврал ему, что сколотил команду. Даже название сообщил, но уже забыл его. Рассказал, какие у нас грандиозные планы и замечательные хиты, что продюсер обещал поднять на невообразимые высоты. Теперь приходилось врать о несуществующих концертах, репетициях, студии, музыкантах, альбомах.

- Да все нормально, - постарался придать голосу непринужденный тон, взгляд сам собой опустился в пол.

- Когда уже станешь знаменитым? Представляешь, приезжаю я домой, сижу с родителями, смотрю телевизор, а тут выступаешь ты! А я им и говорю, что с этим пацаном жил в одной комнате, соседями были. Мама восхититься, а папа, наверно, поначалу не поверит. Ты там говорил, что-то про тур. Когда он начнется?

- Думаю осенью, - каждое слово давалось с трудом, будто весило двадцать килограмм.

- Всероссийский? - продолжал пытаться Женя.

- Да.

- Классно тебе, - улыбнулся он. - Мечта сбывается.

- Угу, - немного подумал и добавил. - Только мечта у меня чуть изменилась. Хочу жить в свое удовольствие.

Женя внимательно на меня посмотрел, даже неуютно стало от его пристального взгляда.

- Настоящая мечта всегда одна. Она как солнце, за которым мы идем по жизни.

- Значит, у меня изменилось солнце.

- Солнце не меняется, - наставительно сказал он. - Либо ты идешь за ним, либо ты идешь от него.

- Ты что себя философом возомнил? - Допил я пиво и грохнул бутылку о стол.

- Ладно, пойду ужинать, - пожал плечами Женя. Натянул на животе майку и через нее взял кастрюльку. Скривился, шикнул и засеменял в комнату.

Я остался на кухне один. Подошел к плите и принялся наблюдать за водой. Открыл новую бутылку пива. Вода закипала, дно оккупировали крохотные пузырьки.

В принципе, сходить стоило. От этого ничего не терял, а приобрести мог намного больше – любимую работу. Материальный уровень мог поправить и переехать, наконец, из этого стойла. Мог начать нормально питаться, завести девушку и даже куда-нибудь сводить. А мог...

Дыхание захватило от настолько сумасшедше-бредовой мысли. Даже подумать о собственном синем Bentley страшно. С трудом верилось, что смогу сесть в такую машину. Я. Обычный я, этими руками возьмусь за ручку на двери, открою и опущу пятую точку в мягкое кожаное кресло. Прикоснусь к рулю, приборной панели. А потом заведу и поеду!

Последнее плохо представлял, хоть и не единожды видел, как другие водили машину. Сам управлял автомобилем только на экране.

Выплыл из грез и увидел, что вода в кастрюле закипела. Солить давно отвык. Просто побросал пельмени, помешал, и начал ждать, когда сварятся.

Пил пиво, но вкуса не чувствовал. Перед глазами стоял синий Bentley. Казалось, протяни руку и прикоснешься к нему. На мгновение даже почувствовал запах кожаного салона, услышал тихий, мурлычащий шум двигателя.

– Привет, – в кухню вошел парень, высокий, как дядя Степа, и худой, словно отощавшая модель. Про него говорили, будто приехал в Москву, чтобы стать баскетболистом, хотя никогда не играл в баскетбол. В его глухом селе не было подходящей для этого площадки и даже соответствующего мяча. Просто ему хотелось вырваться из безнадеги, и он придумал для этого причину.

– Привет, – тоскливо ответил я.

Накатила необыкновенная жалость к себе. Вновь задумался, а чем тот парень на Bentley лучше меня? Из-за чего блага этого мира достались ему?

– Ты чего такой грустный? – баскетболист набрал в огромную турку воды из-под крана. Поставил на плиту и включил другую конфорку. – С работы уволили?

– Не ту горелку включил, – кивнул я на плиту.

Новичков видно сразу. Если человек всю жизнь обращался с газовой плитой, то для него в порядке вещей включить на электроплите другую конфорку.

Баскетболист внимательно изучил рисунки над ручками, а после включил нужную.

– Так чего такой грустный?

– Да вот твою посудину увидел и думаю, что мою кастрюлю рядом с твоей джезвой и поставить стыдно. Твоя деревня, кстати, как теперь кофе варит? У вас же наверняка одна на всех была?

Уголки губ у баскетболиста поползли вниз, брови сошлись.

– Ты сам-то откуда, москвич недоделанный? – просипел он.

– Неважно, – я не знал, зачем к нему прицепился. Нормальный и обычный парень. Слишком худой, очень высокий, больше двух метров – и это причина над ним так зло и нелепо издеваться?

Однако отступить не собирался. Попросту не умел.

– Ты лучше скажи, зачем приехал сюда? Про тебя поговаривают, что хочешь баскетболистом стать, а мяча держать не умеешь. Так чего тогда приперся? Пас бы себе коров и пас. Мясо тоже нужно.

– А ты чего приехал? – вновь вопросом на вопрос ответил баскетболист.

– Думаешь, здесь нужны такие шпалы как ты? Да в тебя попади баскетбольным мячиком – переломишься пополам. И ты, кстати, так и не ответил, как твой аул будет кофе теперь пить? Впервые в жизни вижу такую огромную джезву!

Я, конечно, понимал, почему он привез с собой именно эту турку. В ней разве что слона сварить не получится. Баскетболист все готовил в ней. Вообще универсальная посудина получилась – и глубокая, и вместительная, и с длинной не нагревающейся ручкой, и даже с мерными делениями внутри. Скорее всего это ковш, просто внешне сильно смахивал на огромную джезву. Мечта

холостяка, в общем.

– Слушай, а тебе не приходило в голову, что я не от хорошей жизни бегу. Как и ты, собственно.

– А ты меня к себе не приравнивай, – не слишком уверенно и совершенно не тем тоном, которым надо, произнес я. Просто требовалось сказать нечто подобное, вот и ляпнул. Четкие пацаны у меня в Шахтах так и говорят в подобных ситуациях. На деле обрадовался бы даже звонку начальника – тогда смог бы выйти из ситуации достойно. Мол, мы бы еще поговорили, но отвлекают. А как иным способом закончить разговор без ссоры я не представлял. Пятнадцать раз успел обругать себя за дурацкую вспыльчивость и длинный язык. Мама с детства говорила, что я неуравновешенный и скорый на решения. Рассказывала, что и прадед, атаман, был такой же. Если рубил, то с плеча, а если и любил, то сгоряча. Воевал за Деникина, а потом еще и чуть ли не всю советскую власть пережил, работая в НКВД. Мне бы хоть чуточку его везения, здоровья и напористости. Да я бы всем миром владел, а не только Bentley.

– А ты чем такой особенный? – баскетболист заводился, и это плохо. – Ты умнее или богаче? А может ты сильнее?

После этих слов я всерьез струсил. С такой дылдой драться тяжело. У него руки длиннее, чем у меня ноги, а до лица допрыгнуть надо. А самое главное, зачем? Из сложившейся ситуации стоило искать выход, пока не зашло слишком далеко.

– Я целеустремленнее, – смог вывернуться из щекотливого положения. – И не просто так приехал в Москву.

– Думаешь, я просто так?! Потусить здесь? Да для моей бабушки на эту поездку пришлось четыре месяца копить, а я из огорода и рынка не вылазил!

– Твоя цель смешна, – честно и грустно признался я. – Человек в восемнадцать лет никогда не державший баскетбольного мяча, хочет стать баскетболистом! Нет, друг. Не получится.

– И у тебя бы не получилось, а у меня получится. – Он отвернулся к плите и тихо добавил. – Другого пути нет.

Мы замолчали, чему я несказанно обрадовался. Подпрыгнул с табуретки и помешал пельмени. На вид сварились. Выключил конфорку. Воду сливать не стал. Женя разбередил своим супом аппетит, захотелось похлебать бульона.

В комнате, куда пришел с кастрюлей, валялось на кроватях три человека. Свет зажигался редко, потому к вечному густому сумраку привык. Смог различить Женю и двух парней с Кавказа: Рамзана и Тагира. Раньше думал, что кавказские народы – полудикие люди, спустившиеся с гор. Исключение – армяне и грузины с их многовековыми культурами. После того как узнал этих двух братьев, мнение в корне изменилось. Как-то пришлось поздно возвращаться. Недалеко от дома пристали трое пьяных. В это время домой возвращались Рамзан с Тагиром. Любой бы прошел мимо. Это были не их проблемы, однако они за меня вступились. Не ожидавшая такого расклада пьянь поначалу пыталась качать права, но вскоре даже до их проспиртованных мозгов дошло, что самое лучшее – трусливо сбежать. Так они и сделали.

Именно после знакомства с этими людьми понял, что среди любого народа есть отбросы, но ошибочно думать, что вся нация на них похожа. Не стоит уподобляться американцам, которые считают, что выиграли вторую мировую, а настоящий русский всегда в фуфайке, шапке-ушанке и, из-за того, что вечно пьян, не замечает медведей на улицах.

После знакомства с Рамзаном и Тагиром начал задумываться над тем, что Россия могла бы быть поистине могучей страной. Но наш враг раздирает нас ядовитыми когтями межнациональной розни, по кускам он сможет нас пережевать. И у нас осталось два выхода или продолжать бессмысленную межнациональную рознь до тех пор, пока друг друга не истребим на радость Западу, или забыть, что такое национальности, стать россиянами. Стать теми, кто будет смело говорить: «Россия – моя страна, россияне – мои братья». В школе, когда проходили монголо-татарское иго, читали «Слово о полку Игореве», изучали историю СССР – я понял, что сила в единстве. Однако, окончив школу, забыл.

И не только я забыл.

Мы, как послушные ослики, идем за подвешенной морковкой. Сами себя загоняем в яму, из которой некому будет выбираться.

Яма-то волчья.

Я присел на кровать в углу, подальше от окон, из которых дуло. Тагир сонно на меня глянул. Вяло кивнул. Рамзан посапывал отвернувшись к стенке.

Кастриюлю с пельменями поставил на колени и принялся есть. Женя уже похлебал суп и валялся на кровати, поглаживал живот.

– Что ты там с этим баскетболистом не поделил? – спросил он. – А то голоса и отдельные фразы слышно, а сути не понял.

– Да... – отмахнулся я. – По глупости своей завел дурной разговор. Чуть человека не обидел. Хотя может и обидел, – добавил тихо.

– Бывает, – сказал Женя.

На этом разговор закончился. Я доел пельмени, похлебал бульон, а после вымыл кастрюлю и тоже лег в кровать. Перед сном любил полежать и помечтать, заодно и пиво допить.

Мысли сразу унеслись в необозримое будущее, где у меня огромный особняк за городом, несколько шикарных машин, и жена красавица. Не единожды в этой квартире слышал мечты и планы покорения столицы. Все грезили красивой жизнью, чтобы заниматься любимым делом, когда захочется, но при этом иметь много денег, дорогое жилье и машины представительского уровня. Я всего этого когда-нибудь добьюсь. Соберу группу, запишем альбом, он разойдется многомиллионным тиражом, пройдет всемирный тур, а потом буду сидеть и неторопливо, по вдохновению, писать новые песни, а вечерами кататься по Москве на собственном синем Bentley Continental. Люди начнут по-другому относиться. Стану уважаемым человеком, выразителем масс. Я допил последнюю бутылку пива и отвернулся к стене.

План баскетболиста не выходил из головы. На что он надеялся непонятно. Как вообще собирался воплотить свою идею в реальность?! Это же бред чистой воды. А сколько такого бреда наслушался – не перечесть. Можно даже садиться и писать об этом книгу.

В голове, словно звоночек прозвенел. А ведь написать книгу хорошая идея! И назвать «Как покорить столицу». В ней изложить услышанные планы. Если написать достаточно интересно и с юмором, то может получиться очень даже

ничего. А если подкрепить успешными примерами, то выйдет хороший советчик-вдохновитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/goncharov_serгей/bentley

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)